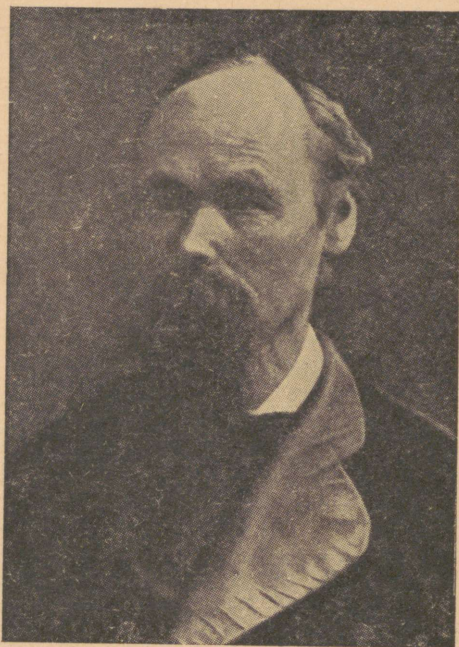

Влад. Гушик.

ВЕЛИКИЙ ЭСТОНЕЦ

профессор живописи

Иван Петрович

КЕЛЕР

ТАЛЛИНН.

1 9 4 0.

ГІСА

Влад. Гушик.

ВЕЛИКИЙ ЭСТОНЕЦ

профессор живописи

Иван Петрович

КЕЛЕР

24
14623

TALLINN.

1940.

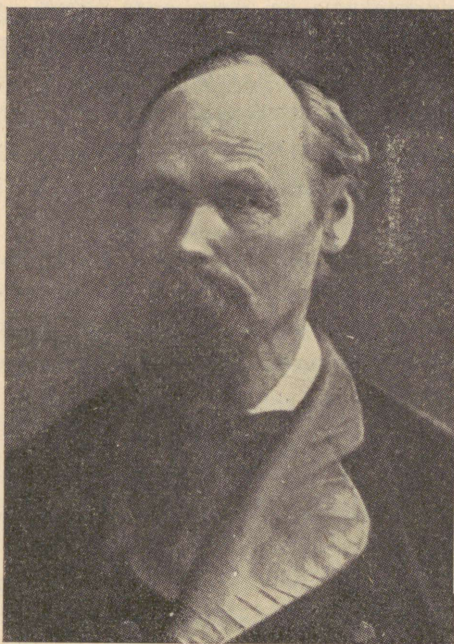
Est. A

28317

A - 10303

i23136224

Среди величайших мастеров живописи середины прошлого века, совершенно особенное место по мастерству техники и колорита занимает профессор Иван Петрович Келер. О нем писали много лучшие художественные критики, подчеркивая, что только исключительное дарование этого талантливого человека и его упорный труд—открыли ему дорогу к высотам славы и признания. Профессор И. Келер давно признан всеми Академиями мира, как исключительный портретист и первоклассный художник. Этому человеку, вышедшему из бедной эстонской крестьянской семьи, заказывали свои портреты русские императоры и терпеливо, часами, позировали ему в его мастерской. Канцлер князь Горчаков, граф Зубов, блестящий конногвардеец барон Фредерикс,—все они стремились увековечить себя кистью Келера. Ве-

ликолепное полотно «Верный страж», «Ева», прекрасное *al fresco* Иисуса Христа в таллинской *Carlskirche*—представляет едва ли не единственную из этого рода работ, исполненную в России в то время. Исключительные пейзажи Крыма, эстонских мест и типов, это — целая галерея живописи. Имя профессора Келера давно стало популярным во всех концах мира. Об этом знает каждый грамотный человек, но не каждый знает о Келере, как о Великом Эстонце, глубоком патриоте и страдальце за свою родину.

Интересные материалы, совершенно случайно, при разборе русских книг для русских школьных библиотек,—удалось мне найти в толстом журнале «Русская Старина», на страницах которого выступил в защиту эстонского народа сам Келер.

Конечно, никакой редкости этот журнал из себя не представляет, но эти его автобиографические записки попались мне впервые и произвели на меня сильное впечатление.

В то время передовая русская интеллигенция, в лице журналистики, предоставляла свои страницы для защиты меньшинств России. Эти строки печатались в ноябрьском номере 1886 года и их-то я решил использовать для своего труда о Келере. Материалы, которыми я воспользовался, принадлежали перу самого Келера, следовательно в правдивости их сомневаться не приходится. Эти автобиографические записки настолько поразили меня своей безграничной любовью к эстонскому народу, а сама патриотическая работа Келера на пользу своих соотечественников так увлекла меня, что я позволил себе назвать профессора Келера Великим Эстонцем. В этом небольшом труде я останавливаюсь на нем, как на заступнике и патриоте своего народа и делаю свои заключения и выводы только на основании его же биографических записей, увидевших свет в русской печати более пятидесяти лет тому назад. Нет сомнений, что его статьи в «Русской Старине» имели большое значение в деле пересмотра Эстляндского вопроса русским правительством в конце XIX века и, конечно, к материалам проф. Келера отнеслись тогда с исключительным вниманием.

Этот период борьбы, за свободу эстонской национальности, шел по пути освобождения от «немецкого насилия», когда «преподавание во всех городских учебных заведениях Эстляндии шло исключительно на немецком языке!» В то время немецкие дворяне-помещики ревниво охраняли эстонцев от русского языка боясь, что, овладев русским языком, крестьяне бросят их и уйдут во внутренние губернии России. В конце-концов так и случилось, и не мало эстонских переселенцев, бежав от немецкого ига, хлынули в южные края, заселяя плодородные земли Крыма. В то время родина для эстонцев была злой мачехой. И странно теперь читать, что ради освобождения от ненавистной тяжести помещиков, эстонские делегации искали защиты у русского царя и его же просили ввести в стране русский язык!..

Вот в этой-то борьбе за человеческие права родины Келер сыграл в свое время исключительную роль.

Келер родился 24 февр. 1826 года на казенной мызе близ Феллина, в честной и крайне бедной эстонской крестьянской семье. Вместе со строгими нравственными понятиями, он с раннего детства приобрел привычку к труду и умение довольствоваться малыми средствами.

Восьми лет от роду он был перевезен в Феллин и сдан в уездное училище, но несмотря на исключительное прилежание, не мог успешно продвигаться только потому, что, как я заметил выше, преподавание в то время шло на немецком языке. Три года продолжалось это тяжелое образование. К тому времени плохой заработок родителей окончательно подорвался. Пришлось бросить школу и поступить к управляющему мызой писцом.

И вот, впервые в юном Келере стали проявляться склонности к рисованию. Управляющий это заметил и отдал своего писца в учение «живописцу Фоберу», своему брату, который был простым маляром и лакировщиком. Однако, это ремесло принесло большую пользу молодому Келеру: он познакомился с употреблением красок и набил себе руку.

Это вступительное описание биографии Келера просто необходимо для последующего развития его патриотической работы, а потому я продолжу его до того момента, когда молодой художник Келер, вполне сознательно, прикоснулся к кровоточащим ранам своей Родины.

«Через три года работы в мастерской (рассказывает сам Келер), я сделал такие успехи, что хозяин поручил мне написать декорации для заезжей труппы актеров. Это был мой первый опыт в декоративной живописи и деревья на кулисах были нарисованы довольно своеобразно, листья берез, обращенные вниз, висели как-будто на ниточках. Зато пушка, которой предстояло

Дом на родине художника И. П. Келера.

играть видную роль в драме «Карл XII перед Рюгенем», была «совсем как настоящая» и удостоилась похвалы снисходительного директора театра».

Потом ему представился новый случай показать свое искусство. Граф Сиверс строил в своем парке Венденского замка православную церковь в русском стиле, но изображение херувимов не удавалось художникам; все лица получались очень стро-

гими. Тогда, маляр Фобер рискнул передать эту работу своему юному мастеру и работа эта так удалась, что заслужила особое одобрение графа.

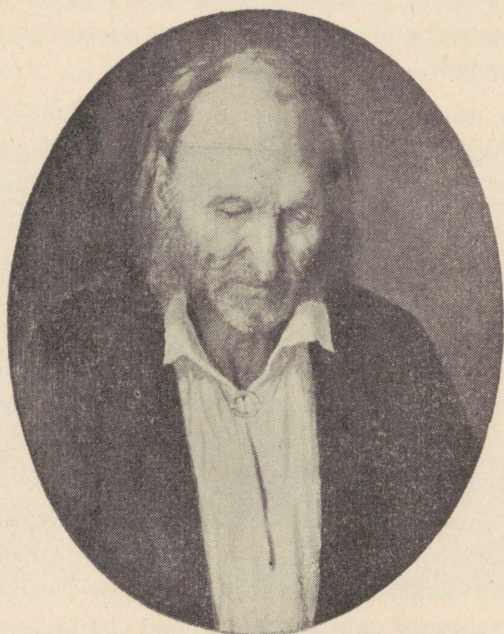
Быть может надолго, а то и на всю жизнь застрял бы молодой маляр на своих провинциальных успехах, как вдруг, в квартире Голландера, директора частной гимназии в Биркенру, он увидел живопись Петцольда. Это были портреты директора и его семейства. Пораженный Келер буквально окаменел перед ними. Восторгам его не было границ. «О, если бы научиться писать такие портреты!», подумал он и с этого момента решил ехать в Петербург.

«Продав пальто и кое-какие вещи (вспоминает он), я собрал настолько денег, чтобы заплатить за место на пароходе, и прибыл в Петербург в октябре 1846 года с 75 копейками в кармане»...

Следовательно, двадцатилетним юношей Келер смело бросился в жизнь, не имея ни пальто, ни денег! А уже через 8 лет, в 1854 году, к нему в мастерскую явился седой как лунь старик, чтобы выразить свой восторг перед работами молодого художника и поклониться его таланту. **Этим стариком был портретист Петцольд!..**

Но, выйдя из тяжелых условий своей бедной семьи, Келер не переставал жестоко страдать за участь своего угнетенного народа. Страшные картины всего, что он видел и слышал в детстве, не переставали вставать перед ним. Навещая свою родину и бродя среди несчастного сельского населения, он не раз встречал такие забытые существа, что сердце его обливалось кровью. С тайным содроганием он слушал рассказы о притеснениях, каким подвергались его эстонские братья со стороны баронов. Приходил в ужас, когда ему рассказывали о крестьянских волнениях 1858 года и о мерах, которые принимали против них немецкие помещики. И он внутренне дал себе слово, всеми доступными для него средствами бороться за свободу своего народа. Для него наступала уже новая, не личная, борьба в пользу угнетен-

ных. Он знал, что борьба эта будет чрезвычайно трудной потому, что немцы имели огромные связи при русском правительстве, но и он уже добился связей. И, если знал хорошо, что победить ему не удастся, но зато помочь своему народу он, хоть и с большим трудом, но сможет. Он знал, что либеральные слои правительства и большая часть русской интеллигенции, встанут на его сторону. И он не ошибся. Пришло время, когда эстляндский губернатор князь Шаховской проникся идеей Келера и стал влия-

Отец И. П. Келера.

тельным сторонником эстонцев в их борьбе с немецким феодализмом, а русская интеллигенция, в лице передовых своих журналистов, предоставила Келеру страницы одного из популярнейших в России журналов под публицистику великого народовольца, свободно и открыто писавшего о защите прав порабощенного и дорогого его сердцу, эстонского народа.

Вот, что писала «Русская Старина» перед автобиографическим очерком И. Келера: «Личность И. П. Келера вдвойне заслуживает внимания и сочувствия русской публики не только как талантливого художника, достигшего известности, в силу своего редкого трудолюбия и энергии, но и безусловно честного, неумолимого эстонского деятеля!».

Если в таком теплом предисловии оценивал И. Келера русский журнал конца XIX века, то с еще большей любовью, вниманием и преклонением перед его памятью должны подойти к нему мы все.

Мать И. П. Келера.

«По приезде в Петербург (рассказывает профессор Келер) я остановился у своего брата, столяра, и, не желая быть ему в тягость, отправился без всякой рекомендации к вивесочному мастеру Бегеману, Этот не только дал мне работу, но и рекомендо-

вал вывесочному живописцу Гелицу, который принял меня в свою мастерскую и назначил жалованье **6 рублей в месяц**. Пребывание в мастерской Гелица имело для меня значение в том отношении, что мне приходилось постоянно снимать с натуры различные предметы, и это заставило меня освоиться с перспективой. Я работал тем охотнее, что хозяин был образованнее тех людей, с которыми мне приходилось сноситься до этого. И он скоро оценил мои способности к живописи. Таким образом, в 1848 году Гелиц беспрепятственно разрешил мне посещать вечерние классы академии художеств в те дни, когда не было спешной работы»...

Однако, хозяин все же высчитывал с своего маляра за свою любезность по 15 коп. в вечер.

Тяжело было бегать с одной работы на другую и ничего нет удивительного, что в классе гипсовых фигур бедному Келеру пришлось два года просидеть за одной гипсовой головкой. И все же он сдал этот класс вторым учеником и перешел в класс «натурный». Здесь он записался в группу профессора Маркова, одного из самых выдающихся профессоров академии.

С этого класса впервые И. Келер приступает к портрету. Первым он рисует свой портрет, вторым—портрет дочери прачки, а та в благодарность сшила ему рубашки. За 5 рублей он написал портрет знакомого сапожника и за 20 рублей — портрет кондитера. И эти 20 рублей показались ему просто чудовищно-большой платой, ему—который через короткое время,—получал за свои работы, не сотни, а тысячи рублей! Интересно было бы знать, где теперь эти портреты дочерей прачек, сапожников, кондитеров?

Академические занятия все сильнее и сильнее привязывали к себе молодого художника и он бросает мастерскую Гелица, чтобы целиком отдаться учению.

И действительно, занятия в академии пошли быстрее, но еще быстрее подходила отчаянная нужда. Приходилось довольствоваться хлебом с чаем и в редких случаях покупать колбасу.

Приближалась полная нищета. В ужасе заметался Келер, ища выхода из своего ужасного положения. Подавляя гордость и не видя иного выхода, он решается просить Маркова о стипендии. Но получает сухой ответ:

— Беднее вас есть люди!

— Но кто же беднее меня!—в отчаянии спрашивает Келер. Но вопрос его не получает ответа. Несчастный уже теряет всякую надежду, как вдруг (это «вдруг» часто приходит на выручку в опасный момент) инспектор академии, пораженный его нищетой, бросается в общество поощрения художеств и, правда с большим трудом, выхлопатывает ему пособие до 10 рублей в месяц. Это были гроши, но все же на них можно было не умереть с голоду.

Страшные дни прошли мимо. С стоической улыбкой вспоминает Келер эти дни, и быть может они-то закалили его к позднейшей борьбе за свой народ. Даже со стороны жутко оглядываться на его прошлое и невольно преклоняешься перед его изумительной выносливостью. Это лишний раз говорит за то, что: труд и терпение пробьют дорогу к цели. А Келер знал, что его цель, это не только достижение совершенства художника, но и посильная помощь тем несчастным, из рядов которых он вышел, приехав в Петербург без пальто и с 75 копейками в кармане!

Келеру, позже пользовавшемуся вниманием самих императоров, преподававшему в свое время уроки дочери царя, окруженному славой и избалованному гонорарами, казалось бы было спокойнее всего почить на своих лаврах. Зачем бурливое море, когда он может плыть по зеркальной лазури! Но именно в тот момент, когда на его месте подавляющее большинство людей отказалось бы от всех тревожений, — Келер отдает свои силы, связи и средства опасной и почти безнадежной борьбе за нищенский, отвергнутый, темный, забитый эстонский народ. Для этого надо было быть **незаурядным человеком!**

И вот, мы подходим к самому интересному моменту, когда, вместе с оформлением в Келере великого художника, оформля-

ется в нем великий патриот. Он знает цену культурам Востока и Запада и знает, что его народу надо пройти огромный промежуток времени, чтобы догнать культуры своих великих соседей. Но он глубоко верит, что такой момент будет в истории его народа, и он борется за право свободного достижения национальной культуры. Он отлично понимает, что только слепой случай выбросил его на дорожку достижений, и он хочет, чтобы его народ был предоставлен не случаю, а праву и правде человеческой. А в этом уже сказывается духовное величие Келера, поразительный психологический синтез таланта и совести. Вне всяких сомнений, более серьезный анализ, более глубокая разработка материалов жизнеописания проф. Келера, вскроет тайники его тяжких страданий за свой народ, но и тех страданий, которые разлиты в его настоящих записках, вполне достаточно, чтобы преклониться перед ним, как перед исключительным народовольцем!

Теперь вернемся к его этапам жизни и постараемся внимательно проследить за интересным процессом рождения в нем сил художника и борца за свой народ.

1854 год проходит для Келера в напряженной работе на малую золотую медаль. Он работает над картиной «Давид перед Саулом», но против всяких ожиданий награды не получает. Случайно он узнает, что совет академии, действительно, хотел дать ему медаль.

— В таком случае, почему же меня не удостоили этой чести? — спросил он.

— Потому, что вы ничего не просили об этом! — возразил ректор Шебуев.

Но для таких просьб Келер был слишком горд; профанировать искусство путем просьб и связей — было органически противно ему. Это и понятно: только в таких натурах просыпаются люди подвига и совести. И он садится за вторую картину «Геркулес, выводящий Цербера из ада», за которую получает малую золотую медаль. И тогда, невольно перед ним встает жуткий вопрос: если ему, молодому и свободному художнику, приходится

сталкиваться с таким рутинным подходом к справедливости со стороны императорской академии, то какая же пропасть препятствий должна развернуться перед его народом в достижении справедливости и признания права на национальное самоопределение?! И он понял, что только напряжением всей воли и упорством в лице своих лучших представителей, народ его может добиться законного права и человеческой правды.

Начало 1850 годов было особенно тяжело для Келера. Материальные лишения вконец подорвали его здоровье, а как нарочно подошло время писать на большую золотую медаль, которая одна могла дать заграничную поездку. Пришлось искать частной работы. Профессор Неффе уговаривает его ехать в Ораниенбаум, во дворец великой княгини Елены Павловны (одна из величайших покровительниц Науки и Искусства XIX века, жена в кн. Михаила Павловича), разрисовать стены одной комнаты *à la Vatto*. Эта работа отняла много времени и не внесла прочного положения. Здоровье расшатывалось все больше. Необходимо было бросить Россию и выехать на отдых за границу. Но о какой границе могла быть речь, когда денег, заработанных в Ораниенбауме, с трудом хватило на уплату прежних долгов?! Как вдруг, опять неожиданный и просто невероятный случай спасает Келера: ему поручают писать портрет покойного царя, Николая Павловича, во весь рост. К 1857 году работа была закончена и Келер получает за нее 1.200 рублей. Сумма для молодого художника—невероятная! Любой человек на его месте от счастья мог потерять голову и броситься на удовлетворение своих личных потребностей. Но не таким был Келер! Он отлично помнил, в какой невероятной нужде, среди баронского произвола живут его, забытые миром, близкие. И 600 рублей он посылает им, а на 600 рублей решает выехать за границу.

Начинается новый перелом жизни. Он объезжает Германию, Голландию, Бельгию, направляется в Париж. И — странно, чем благоустроенней проходит перед его глазами жизнь европейских народов, тем мрачней и сильней поднимаются воспоминания о жестоких условиях жизни эстонского народа. Судьба, словно с

умыслом, выгнала его за границу, чтобы наглядно показать страшный контраст между существованием свободных народов и рабским существованием его народа. Наблюдая жизнь европейских крестьян, он болезненно сравнивал ее с жизнью обездоленных соотечественников. В первом случае, хоть и относительная, но все же свобода, зажиточность, здоровые условия труда. Во втором — рабство, нищета, тяжкое существование обреченных...

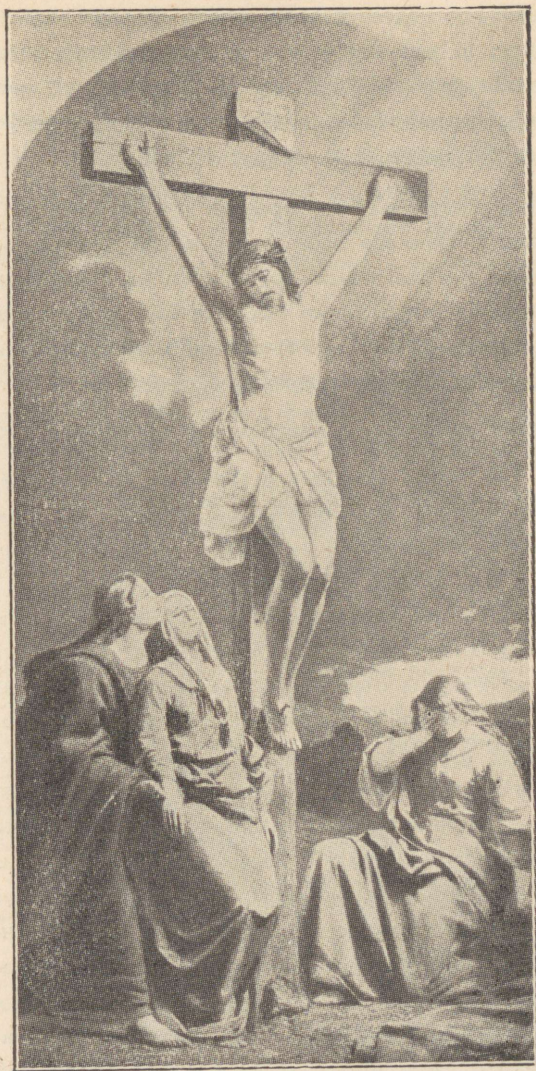
Он объезжает Швейцарию, посещает Милано, Геную, Ливорно, Флоренцию, Рим. Везде, на каждом шагу, каждая встреча с новой местностью все сильнее и настойчивей кричит ему о забытой Богом и людьми Эстонии...

Но, надо работать! Только работа даст ему независимость, только независимость откроет перед ним возможность помочь своей родине. И он пишет.

Случай знакомит его с великой княгиней Марией Николаевной (вел. княгиня, дочь импер. Николая I-го, председательница «Общества Поощрения Художеств»), которая, увидев его заграничные работы и среди них — знаменитую картину «Распятие», восторженно отзывается о ней и советует послать ее в Петербург для получения золотой медали. И Келер решается. «Распятие» посылается из Рима в петербургскую академию художеств и... Келеру присуждают звание **академика**. Недавно состоялась передача СССР Эстонии этой знаменитой картины Келера.

Теперь дорога открыта. И опять все мысли сосредоточиваются не на славе, не на богатстве, а на необходимости служить своему народу. Это чувство становится настолько острым, что (как мы увидим ниже), ряд своих картин Келер целиком посвящает символическому изображению страданий Эстонии.

Пребывание за границей сказалось и на здоровье художника: в Россию уже он вернулся полный физических и духовных сил, и... без копейки в кармане. Но судьба не бросила своего избранника, она готовила его на славное дело служения своему народу.

Распятие. Картина И. П. Келера, переданная СССР—Эстонии.

Не долго пришлось отчаиваться молодому академику: в один прекрасный день его пригласили давать уроки рисования, а позже и живописи—дочери императора, великой княгине Марии Александровне. И уже эти уроки продолжались около двенадцати лет. Сам император Александр II-ой не раз во время сеансов заходил к своей любимой дочери и здесь-то русский царь и эстонский патриот узнали друг друга.

Это имело свои, если не прямые, то косвенные благоприятные последствия. Всякого другого на месте Келера, за его позднейшие участия в ряде жалоб эстонского крестьянства на немецких помещиков, давным-давно сослали бы в отдаленные места, но уроки в Зимнем Дворце и близость к нему царских особ, — спасали Келера от жандармского самоуправства.

И вот, наступает пора деятельности Великого Эстонца.

«Летом 1863 года (пишет в своих воспоминаниях в «Русской Старине» Келер) я отправился в Ревель, так как думал заняться местными народными типами. С этой целью я стал посещать рынок, где всегда толпился заезжий сельский люд, и на первых же порах вид угнетенного, забитого народа произвел на меня невыразимо-грустное впечатление. Видел я в Италии много нищих в лохмотьях, но они все-таки казались мен людьми и, требуя помощи, с чувством собственного достоинства протягивали руку; здесь же никто не просил милостыни, хотя нищета была очевидная и печать долгого невысказанного горя лежала на лицах. И мне приходили на память слова известного писателя Меркеля (знаменитого писателя и борца за освобождение крестьян-латышей): «Взгляните им в лицо. В искаженных, мрачных чертах жестоко усмешается вам голод, безчувствие, лишенное всякой душевной силы, рабское чувство»... Чем ближе присматривался я к положению крестьян, тем более усиливалось чувство глубокого сострадания, охватившее мою душу, так как действительность превосходила все, что могла создать самая дикая фантазия. Не раз, выйдя за город, я плакал как ребенок от сознания своего полного бессилия помочь чем-либо несчастному народу. Особен-

но поразило меня повествование одной 64-летней старухи с исхудалым, помертвевшим лицом, которую я выбрал моделью для этюда. Она приписывала все свои несчастья пастору, на земле которого жила прежде с мужем и детьми. По ее словам, пастор своим дурным обращением едва не довел до самоубийства ее сына, отнял у них усадьбу и скот, и ее муж, лишившись всего, отправился зимой на заработки и замерз дорогою. Не мало других подобных рассказов приходилось мне слышать тогда, из которых я мог вывести заключение, что «церковные господа», как крестьяне называли пасторов, не уступали в притеснениях помещикам»...

Вот она, жуткая правда тех лет, с которой столкнулся лицом-к-лицу Келер, и которая превысила все те ужасы, что ему, как сыну бедной эстонской семьи, были знакомы с детства! Но и это были только цветочки, а ягодки его ждали впереди.

В то время еще свежо было предание о военном суде над виновниками беспорядков на мызе Махтерс, близ Таллина. Причиной волнения крестьян было сообщение о введении нового крестьянского Устава только через 10 лет после его опубликования. В этом народ усмотрел обман немцами русского царя и в народе начался ропот, подымалось восстание крестьян. И вместо того, чтобы спокойно раз'яснить населению характер этого указа, немцы вызвали войска. Не успели войска подавить первое восстание, как у мызы Махтерс собралось до 10.000 крестьян. Люди стекались со всех мест. Возбуждение достигло своего предела и начался разгром мызы. Мыза сгорела до тла, ее обитатели спаслись чудом. Опять—войска, аресты, военный суд. Панника прокатилась по соседним имениям и помещики, все оставив, кинулись в бегство, чтобы ввести новые войска и беспощадно расправляться с крестьянами.

Пересказ этих событий до глубины души возмутил благородную душу Келера. Вот, что мы находим в его записках:

«Мне приходилось также не раз беседовать с русскими офицерами, которые с грустью говорили о том, как немецкие чи-

новники (строго упирая на законы Прибалтики) заставляли их производить экзекуции над крестьянами, вследствие требования военной помощи со стороны некоторых крупных землевладельцев. То же рассказывали мне и сами крестьяне и еще в более ярких красках, когда я бывал наедине с ними. Но всех возмутительнее была так называемая «ревельская экзекуция», происшедшая в июле 1858 года».

С чувством глубокого возмущения повествует об этом Келер. В этом отвратительном деле немецкое дворянство перешло все границы человеческой совести, а правительственные власти того Ревеля, состоявшие на 90% из немецкого дворянства, докончили жуткий акт.

Дело заключалось в том, что выведенные из терпения крестьяне-арендаторы, принадлежавшие к поместью Анниа, видя, что нет никаких улучшений в их быте, решили подать губернатору жалобу на своего помещика. Но перед тем, как отправиться в Таллин, они обратились за советом к местному жандармскому полковнику.

— Вас шестьдесят человек (сказал он им), если вы явитесь все разом к губернатору, то это будет иметь вид возмущения; выберите троих, а остальные не ходите.

Но помещик уже успел укатить в Таллин, поднять шум среди дворянства и заручиться поддержкой в окружении губернатора. Явившихся ходоков спросили:

— Разве вас всего трое?

— Нас много, но те остались дома!

— Ну так приходите все вместе и мы вас выслушаем!

Вот, как рассказывает об этом дальше сам Келер в своих автобиографических записках в «Русской Старине» 1886 года:

«Посланные вернулись к своим и передали полученный приказ. Тогда все 60 человек хозяев-арендаторов явились в Ревель, где они тотчас-же были окружены военной командой, которая с барабанным боем повела их через Вышгород на так называемую

«Русскую площадь», где уже были заранее привезены шпицрутены. Началась экзекуция, от которой образовались лужи крови; один крестьянин, когда наступила его очередь, хотел было подложить свой кафтан, чтобы не лечь лицом в кровь, но кто-то из зрителей выхватил у него кафтан со словами: «Какое еще нужно гебе удобство!»... Хотя город Ревель протестовал против такого зрелища, но нашлись люди, которые сочувственно отнеслись к нему; между прочим, пастор из Кузаль выразился об экзекуции, что «это спасительное дело» (das ist eine rettende That). Такого рода меры для усмирения крестьян (заканчивает это описание Келер) были одновременно приняты на острове Даго»....

Конечно, все это возмущало и волновало молодого академика, но вместе с тем и закаляло его решимость отдать свои силы своему народу. Да и действительно, что как ни муки народа могут закалять стойкость патриота? Пусть будут муки, пусть будут терзания, пусть дойдут до невероятного размера,—тем устойчивее будет сознание в необходимости борьбы, в святости личной жертвы, в прелести достижения успеха. Тем прекрасней ощутить плоды невероятных усилий и сверхчеловеческих напряжений! Эта страшная школа и закалила Келера в его решении встать на сторону обездоленного народа. Он отлично сознавал, что одним плачем за городской стеной нельзя принести пользы Отечеству. Необходима была борьба продуманная, осторожная и настойчивая, которая одна могла облегчить участь эстонцев. Он видел, что балтийское дворянство и духовенство, в продолжение ряда столетий, ровно ничего не сделали, чтобы сблизиться с коренным населением и понять его нужды. Он видел, что это были только гордые обособленные завоеватели даже под русским господством. Им нужнее была одна покорность и для этого, основываясь на своих привилегиях, они при каждом удобном случае прибегали к военной силе. Добровольно приступить к реформам, которые согласовались бы с новым направлением общей русской эпохи, они не хотели. Значит,—надо было действовать без промедлений и решиться на все, что только может встретиться на таком тернистом пути. И Келер решается.

«Уже по самой своей профессии (поясняет он в своей автобиографической хронике) я был искренним поклонником мирного процесса, при котором только возможны успехи наук и искусств, и враг всякого насилия и кровопролития. То и другое казалось мне неизбежным в более или менее недалеком будущем, если останутся те же порядки. Прийдя к такому заключению, я уже не в состоянии был остаться праздным зрителем бед своей родины и не считал, что звание художника избавляет меня от обязанностей человека и гражданина. Я стал усиленно думать о том, чтобы принести свою лепту на служение родному народу и привести его к иным, лучшим условиям жизни... Никто не мог заподозрить меня в личных корыстных целях и у меня явилась надежда, что мое мнение будет выслушано и советы не пройдут даром»...

Как честный человек, но еще не наученный опытом патриот, он думает повлиять на немецкое дворянство. Его беседы и выступления, полные здравого смысла и пламенности, остаются гласом вопиющего в пустыне. Он начинает прозревать политически и убеждается на деле, что на фронте немецких дворян-помещиков нельзя ожидать никакой удачи. Они цепко держатся за свои феодальные права и их язык знает только один пароль: подчиняйтесь беспрекословно! И Келер понял, что надо перенести работу на линию русских, надо добиться внимания к краю русского правительства, надо подготовить кадр таких русских умов, которые смогут противопоставить немецкому феодализму государственную власть, реформы или, на плохой конец, честных и проникнутых вниманием к краю чиновников. И нет ни малейших сомнений, что позднейшим назначением Шаховского, эстляндский край был обязан своему честному патриоту Келеру, **успевшему вложить в сознание лучших людей России необходимость защиты края от немецкого произвола.**

И вот, Келер непосредственно приступает к работе. В этой части своего повествования он смело открывает (в то-то время!) свое забрало народного борца! Вот, что он пишет:

«Несмотря на целые века рабства, у эстонцев не было ясного представления о том, в чем заключаются права дворянства и как велики были эти права! Они были убеждены, что все зло происходит от того, что русский царь не знает, какие порядки существуют в Эстляндии потому, что в противном случае, жалился бы над несчастными эстонцами и распространил бы на них свои милости. Эта уверенность мало-по-малу привела их к мысли послать депутацию к государю, чтобы довести до сведения его о печальном положении местного сельского населения. Я узнал об этом намерении уже по своем прибытии в Феллин, где увидел у одного учителя Адамсона проект прошения, составленный крестьянами. Внимательно прочитав прошение, я нашёл, что оно написано в невозможных выражениях. То же повторил я и крестьянам, когда они обратились ко мне за советом, так как многие из них знали меня ребенком. Они возразили, что «написали только правду», но, выслушав мои замечания, согласились, хотя с трудом, смягчить свою «правду»... Они ответили что: на все готовы!»

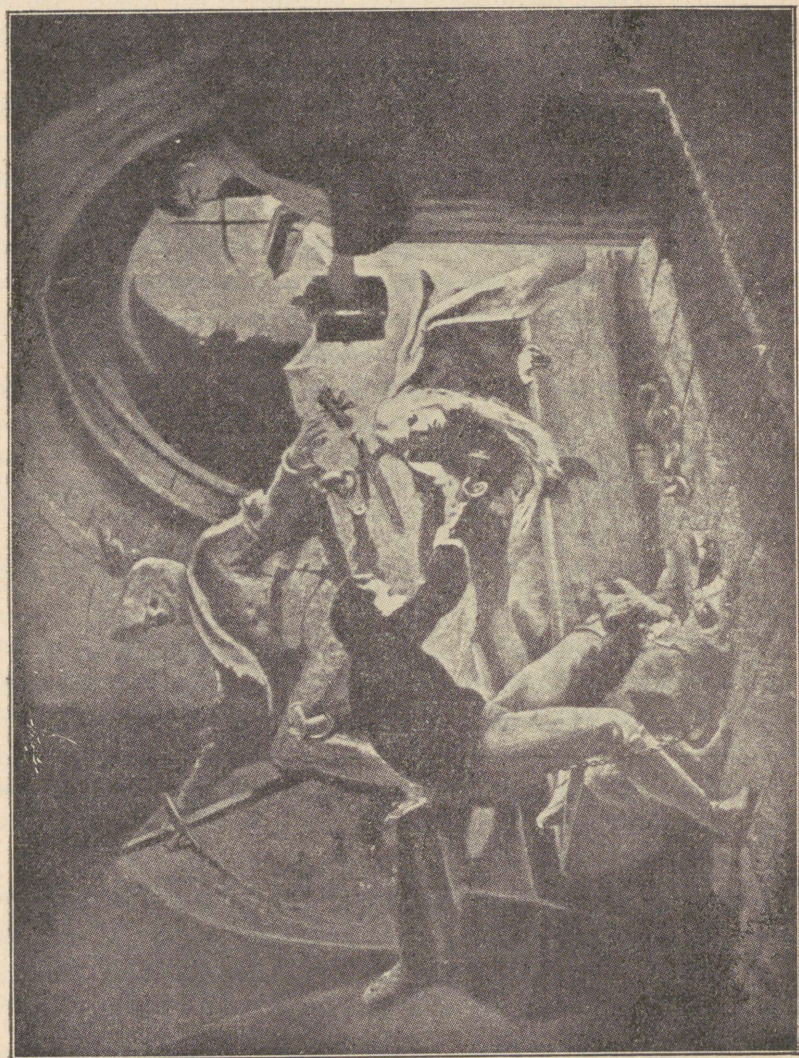
Этот ответ тогда же нашел отклик в душе Келера. Он тоже приготовился **на все**.

«Неужели (спрашивал он себя) искусство должно служить только художественным целям,—почему-бы не воспользоваться им для воплощения идеи, как наиболее наглядным способом передачи?»

Он понимал, что **тот, кто любит свой народ, не имеет права отговариваться своим сторонним призванием**, и—вынес искусство на службу народу.

В 1864 году он пишет картину «Пробуждение от волшебного сна», символически пророча этой картиной, построенной на сюжете эстонской легенды, пробуждение своей родины: эстонка-язычница пробуждается от столетнего сна.

Картина была выставлена в академии художеств, но осталась не понятой. Общественное мнение еще не было подготовлено к такой идее, но зерно, брошенное Келером, уже начало да-

Пробуждение от сна. Аллегория. картина И. П. Келера.

вать ростки: эта же картина в Риге произвела, буквально, сенсацию. Одни восторженно кричали о ней, другие от негодования переходили в бешенство. Кой-кто крикнул о том, что нельзя искусство вмешивать в политику, а политику в искусство, но это были крики провокаторов и наймитов.

Первый, огромный шаг был сделан. Предстояло идти по этому пути. И вот, 25 сентября 1864 года, в Петербург прибыл уполномоченный и толмач от делегации эстонских крестьян перновского, феллинского и дерптского уездов, — Адам Петерсон с прошением на имя царя, подписанным 24 мирскими обществами. Вскоре туда же съехались и остальные участники делегации. Царь в это время был за границей и только 9 ноября делегации удалось попасть на прием в царскосельский дворец. За этот месяц ожидания делегацией царя немецкое дворянство успело нажать все педали и поставить на ноги все свои силы.

В прошении было 14 пунктов. **Первый** пункт—выдвигал вопрос о поземельной собственности и ее обеспечение, **второй** — просил защиты от ненормальных арендных плат и отбирания усадеб, **третий**—просил отмены барщины, **четвертый**—о нарезке к крестьянской земле лесных и торфяных мест (леса и горф принадлежали только немцам), **пятый**— о полномочиях волостных судов и крестьянских обществ, **шестой**—предоставить крестьянству иметь свою защиту в судах, **седьмой** — о введении в судах эстонского языка, **восьмой**—о разрешении действовать через адвокатов, **девятый**—о прекращении преследования делегаций, ходатаев и переводчиков от крестьян, **десятый**—об ограничении телесного наказания, **одиннадцатый**—о выборе крестьянами своих пасторов, **двенадцатый**—буквально гласил следующее: «Дабы для вящего преуспеяния и увеличения числа наших сельских школ, заведения эти приняты были под непосредственное ведомство министерства народного просвещения, при чем желательно, чтобы в оных преподаваем был также русский язык, знакомство с которым облегчило-бы торговые и другие сношения с внутренними губерниями, а рекрутам из эстов—изучение

военной службы, кроме того, оно дало бы нам возможность искать себе работы вне родины».

Это было слишком для немецкого дворянства! Против этого пункта особенно яростно ополчилось немецкое окружение русского правительства. Боясь утечки крестьянства, оно напрягало все усилия, чтобы сорвать просьбу эстонских крестьян и ни в какой мере не допустить преподавание в школах русского языка. **Тринадцатый** пункт просил о расширении периодической печати. Наконец, **четырнадцатый** пункт защищая все остальные, просил, чтобы просьбы эти были переданы такой комиссии, в которой бы не было немецких дворян, и которая состояла бы **исключительно из русских сановников** (ну разве не смешно: просить русских, чтобы их комиссия состояла из русских!).

Вне всяких сомнений, в составлении этого прошения принимал участие сам Келер. Или свойственная ему благородная застенчивость, или политическая осторожность удержали его от признания, но слежки и обыска не избег и Келер.

Однако, немецкая группа в русском правительстве осилила здравый смысл и Адам Петерсон был арестован и посажен в тюрьму и только после одиннадцати месяцев жалоб и прошений, усиленно поддерживаемых Келером, по указу Сената от 5-го октября 1865 года, он был выпущен на свободу.

Но уже 30 ноября того же года в Петербург явилась вторая делегация к царю во главе с младшим братом Адама,—Петером Петерсоном, студентом дерптского университета. Но и молодой Петерсон был арестован, выключен из университета и сослан на жительство в Вятку.

Вслед за тем посыпались репрессии и на самый край и помещики еще туже затянули петлю, но все-же удар был нанесен и результаты его сказались быстро: эстлянским вопросом занялись в Петербурге серьезно. Лучшая часть русской общественности была уже на стороне эстонцев и Келер напрягал последние усилия, чтобы придти на помощь своему краю. Однако в том же 1865 году, несмотря на его близость ко двору, он был среди но-

чи разбужен, поднят с постели и у него произвели строгий обыск. Враги его хотели торжествовать, но Келер успел уничтожить все улики его сношения с друзьями. Не помогли шпионам и неожиданные визиты; то под видом найма, то под видом ошибки к нему заходили шпионы в желании застать у него ходоков из Эстонии.

С чувством горечи говорит он в своих записках:

«Одно было ясно для меня, что не было никакого разумного основания превратить эстонцев в немцев потому, что вековые ненормальные отношения навсегда раз'единили угнетенных и их притеснителей. России, как мне казалось, следовало бы ради собственных интересов стремиться к тому, чтобы коренные жители Прибалтийского края, составляющие наибольшую часть населения, сохранили свой язык и национальные особенности потому, что это усилило бы их связь с родиной и служило оплотом против посягательств с Запада».

Надо согласиться, что такое, хотя и замаскированное русским же интересом, отстаивание национальной свободы языка и быта эстонцев, для того времени, звучит смелым признанием, если даже не **вызовом** русскому правительству. Расчет был на поддержку мыслящих слоев России и в них Келер не ошибся. Его автобиография, как эстонского патриота, встретила в русской печати сочувствие и поддержку. Это произошло потому, что и сама русская общественная мысль не была на стороне правительства, отстаивала свободу для русских угнетенных масс и в каждом свободомыслящем представителе меньшинств,—видела своего союзника и единомышленника. Вот почему Келер взял на себя смелость печатно заявить: «Я знаю, что мои соплеменники не чувствуют и не могут чувствовать никакой симпатии к Германии, считают себя вполне солидарными с Россией и желают только равноправности с остальными русскими подданными».

Таким образом, говоря о солидарности с Россией, Келер не имел в виду русское правительство, а **исключительно** русскую

народную общественность, на которую (разочаровавшись в добровольном покаянии баронов) он делал ставку в достижении возможных свобод для эстонцев. Расчет был верен и прост, гениальный художник оказался не менее гениальным свободоборцем!

Полная неизвестность относительно результатов поданных прошений заставляла эстонских крестьян не раз обращаться и лично и письменно к Келеру. Слежку за ним усилили, но трогать его не решались. Связанный нитями со дворцом, он в то время писал портрет канцлера князя Горчакова и, кто мог знать, не руководит ли им всесильный человек в России? Такие случаи бывали, а испытать это на себе не решался ни один из жандармских соглядатаев.

Передовая печать уже целиком была на стороне Келера. Все это облегчало его работу для родного народа, но за то, в случае катастрофы, могло окончательно и навсегда уничтожить его. Игра была с опасным огнем. Но, раз избрав свой путь, Келер никогда не сворачивал в сторону. Приходилось лавировать среди подводных камней и все же идти своим опасным и прекрасным форватером.

В то время пасторы, врачи, судьи и местные власти неизбежно назначались из немцев; надо было подумать о создании собственной эстонской интеллигенции. Но и создание эстонской интеллигенции могло принести пользу только в том случае, если учащийся избежит немецкого окружения. а преподавание тогда во всех училищах шло на немецком языке и, как говорит сам Келер: **«Эстонские дети, оторванные насильственно от родной почвы, неизбежно онемечивались и становились «kadaka sak-sad», как их с презрением называют эстонцы»...**

И вот, у того же феллинского учителя Адамсона, Келер работает с ним над созданием проекта эстонского реального училища. Немало было положено усилий в эту работу, но, как и следовало ожидать, проект этот встретил со стороны немцев самое грубое противодействие.

Пряха. Картина И. П. Келера.

— У нас нет денег, чтобы содержать это училище!—ответили они. А когда было предложено устроить сбор пожертвований, ответ гласил:

— У нас еще нет разрешения на такое училище, как же можно допустить сбор пожертвований?..

Это возмутило Келера. Нечеловеческими усилиями воли и опыта бросился он создавать благоприятную атмосферу среди влиятельных лиц в русском правительстве и результаты, против всех ожиданий, сказались быстро и в полной мере. Министерство народного просвещения дало разрешение на открытие реального училища, а высочайшим указом 14 августа 1869 года получено было разрешение на сбор пожертвований **во всей России** и на открытие вспомогательных комитетов по всей Прибалтике.

Вековая, несокрушимая немецкая крепость дала трещину и Великий Эстонец И. Келер мог смело торжествовать победу.

Но ведь это был только первый шаг в далекое светлое будущее, а серые будни тянулись еще прежним тернистым путем. Когда-то еще молодая эстонская интеллигенция начнет стройку своей страны, а жизнь создает все новые кадры голодных, обездоленных, усталых от беспросветной жизни—людей. И вот, на очередь выдвигается вопрос, хотя бы временного, переселения в лучшие края. Как мы уже видели раньше, вопрос этот был самым страшным явлением для помещиков; исход крестьян это начало дворянского разорения.

К этому времени многие пункты прошений обоих Петерсов были утверждены правительством: умножились книги и периодические издания на эстонском языке, увеличилось число сельских школ и поднялся культурный уровень населения. Эстонские делегации принимались уже не как представители «бунтарей», а как правомочные представители эстонского меньшинства. Келеру шел тогда 57-ой год. Десятилетия ушли на отвоевание простых человеческих (еще далеко не национально-автономных) прав! Сколько смятений, усилий, мучений, сколько бессонных

ночей и страшных часов от того дня, когда молодым двадцатилетним человеком с 75 копейками в кармане, приехал он в Петербург для того, чтобы вскоре, на заре своих личных достижений, плакать за городской стеной Таллина над беспросветной и бесправной судьбой своего народа!

В 1883 году Келер пишет специально картину для поднесения эстонской делегацией царю и царице в день их коронации *). И из 104 различных депутатий, представленных в этот день императору, ни одно драгоценное подношение не обратило на себя такого исключительного внимания царя и царицы, как подношение эстонской делегации. Умный Келер рассчитал правильно: его огромный труд, вложенный в картину, заставил царя остановить внимание на близких сердцу Келера эстонцах. В политической игре—это шаг большого, опытного политика. В последующий период времени, когда Александру III-му приходилось сталкиваться с вопросами Эстляндии, он говаривал:

— Как-же, помню! Ведь это-же эстонцы поднесли мне замечательную картину своего Келера!..

Так жизненный опыт учит политика и патриота смотреть далеко вперед.

К этому же времени относится работа Келера по устройству безземельных эстонцев в Крыму. Много времени, здоровья и средств потерял на этом Келер, но всегда радовался как ребенок, когда видел пользу от своих дел. И трудно было узнать, что больше захватывало этого человека: искусство или служение народу. Быть может только потому, что для каждого творца, —искусство является высшим аспектом его горений, Келер даже самое искусство заставлял служить национально-эстонской идее, чтобы поднять ее до высшего аспекта творческого горения! И, конечно, идея грубого феодализма не могла устоять перед этим

*) Между прочим, в настоящее время ведутся переговоры о передаче этой картины («Кесареви—кесарю, а Богови—Богу») СССР—Эстонии.

горением и ей, охваченной пламенем Келера, пришлось сгореть до тла.

Так, гениальный мировой художник, вышедший из бедной крестьянской семьи, стал Великим Эстонцем, большим патриотом страны и профессором живописи.

Влад. Гуцук.

1940.
Tallinn.

Est A - 15233

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00821118 9